

ПОСТМОДЕРН И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОНИМАНИЕ ПРАВА

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июня 2009 г.

Аннотация: статья содержит общую характеристику основных тенденций эпохи постмодерна, имеющих значение для осмысления произошедших в последние годы концептуальных изменений в понимании права. Анализируется влияние особенностей постмодерна на становление философской герменевтики как одного из ведущих направлений современного правопонимания.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, философская герменевтика, правопонимание.

Abstract: the article includes general description of basic tendencies of the epoch of postmodernity, which have importance for comprehension of principal changes in conception of law in recent years. The author analyses the influence of peculiarities of postmodernity on coming into being of philosophic hermeneutics as one of the leading trends of modern conceptions of law.

Key words: postmodernity, postmodernism, philosophic hermeneutics, conception of law.

Проблема выявления сущности права — центральная в теоретико-правовой науке — приобрела в последнее время особую актуальность и запестрела многообразием предлагаемых для ее решения подходов. Помимо классических (юридического позитивизма, юснатурализма, исторической и социологической школ права, а также общепризнанной российскими теоретиками либертарной концепции правопонимания академика В. С. Нерсисянца) появились принципиально новые теории, вызванные к жизни соответствующими научными исследованиями в философии и социологии. Среди них наиболее известными в настоящее время являются феноменологический, герменевтический, синергетический и антропологический подходы к изучению права. Имея каждый свою специфику, они объединены тем, что существенно отличаются от известных традиционных концепций правопонимания и даже их современных модификаций.

Такое принципиальное отличие многие ученые склонны объяснять общим духом времени и теми кардинальными изменениями, которые претерпели основы социума в XX—XXI вв. В связи с этим вслед за философами теоретики права также занялись изучением типических черт современной эпохи и их влиянием на изменения в понимании сущности и назначения права. Заговорили о так называемом «духе постмодерна», постметафизики¹. Между тем даже из философских дискуссий

¹ См.: Стомба А. В. О перемене сущности, или «что есть» право в эпоху постметафизики // Правоведение. 2008. № 1; Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Там же. 2002. № 2.

подчас не совсем ясно, что представляет собой понятие «постмодерна» и какими хронологическими рамками оно может быть определено.

Первым впечатлением, выносимым из общефилософской полемики, является противопоставление модерна и постмодерна как двух различных эпох и типов философствования. Нередко как синонимичные им употребляются понятия «модернизм» и «постмодернизм»². Хотя при более глубоком осмыслении, по всей видимости, их все же следует различать. Так, «постмодерн» представляет собой современное культурное состояние общества и имеет эпохальный оттенок, в то время как «постмодернизм» понимается как «состояние осознающей его ментальности»³, философская концепция эпохи постмодерна. Аналогичным образом обстоит дело и с понятиями «модерн» — «модернизм». Но учитывая, что в работах на подобную тематику, как правило, терминология не только не разграничивается, но и откровенно запутывается⁴, мы не акцентируем внимание на терминологических тонкостях, хотя и постараемся по возможности отделить общий исторический фон от конкретных философских концепций.

Относительно временных границ модерна и постмодерна в современной науке единства мнений не наблюдается. Так, Т. Адорно относит начало модерна к 1850 г., хотя известно, что термин был употреблен еще в V в. для отграничения приобретшего официальный статус христианства от языческого прошлого⁵. Некоторые склонны видеть проявления модерновости и в более раннюю эпоху, считая его довольно растяжимым понятием, особенно, «если иметь в виду не искусствоведческие, а философские хронологии»⁶.

По словам Адорно, «признаки разброда суть печать подлинности модерна»⁷. Но в чем тогда разница с постмодерном, в котором, как известно, «разброда и шатаний» более чем достаточно? Ю. Хабермас, посвятивший проблемам модерна и постмодерна целый ряд работ, отмечает, что на протяжении веков содержание модерна могло меняться, но всегда при этом выражало «становление сознания новой эпохи на базе обновленного отношения к античности». Примером могут служить времена Карла Великого, XII век, эпоха Просвещения, где в каждом из периодов присутствовало осознание новизны и собственной «модерновости»⁸.

---

² См.: Кнабе Г. С. Местонахождение постмодерна. М., 2004. С. 11—12.

³ Можейко М. А. Постмодернизм // Всемирная энциклопедия : философия XX в. / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грацианов. М. ; Минск, 2002. С. 592.

⁴ Сравним, например, точку зрения М. А. Можейко (см.: Всемирная энциклопедия : философия XX в.) и К. Харта (см.: Харт К. Постмодернизм. М., 2006).

⁵ См.: Хабермас Ю. Постмодернизм и культура. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

⁶ Гусаченко В. В. Трансгрессии модерна. Харьков, 2002. С. 29—30.

⁷ Цит. по: Хабермас Ю. Постмодернизм и культура. С. 40—53.

⁸ См.: Там же.

Если подходить к терминологии так условно, то надо будет согласиться, что модерн перестает быть модерном, как только на смену ему приходит новая эпоха с новыми ценностями. В этом смысле и постмодерн следовало бы считать просто очередным «новым модерном».

Воплощением модерна иногда называют и философию И. Канта, и эпоху первых буржуазных революций. В последнем случае на арену выходит уже термин «модернизация»⁹ как совокупность процессов формирования новых ресурсов и капитала, развития производительных сил и повышения эффективности труда. Нас же интересует философский аспект проблемы, а потому мы склонны согласиться с Хабермасом в том, что «проект модерна был сформулирован в XVIII веке философами Просвещения»¹⁰.

Является ли этот проект в настоящее время закрытым — вопрос дискуссионный. Большинство философов, исходя из противопоставления постмодерна модерну, говорят об отрицании модернистских постулатов и опровержении господствовавших в нем ценностей со стороны постмодернистской философии. С этих позиций легко последовать примеру Тойнби, утверждавшего, что постмодерн есть новая эпоха, пришедшая на смену модерну¹¹. Несмотря на указанное противопоставление научных принципов и исследовательских ориентиров, многие не склонны признавать модерн и постмодерн двумя разными эпохами. Мысль Ж.-Ф. Лиотара о постмодерне как о квинтэссенции всего радикального и раздражающего, что есть в модерне¹², перекликается с мнениями о модерне и постмодерне как о «разных этапах одного культурного кризиса»¹³ и об одном общем «диагнозе нашего времени»¹⁴.

Тем не менее различия в типе модернистского и постмодернистского философствования налицо, и их анализ во многом может пролить свет на причинную обусловленность трансформаций современного правопонимания.

Философия модернизма, возникшая на основе идей Просвещения, проходила под знаком господства Субъекта. Ее основные постулаты¹⁵ — торжество Разума, абсолютизация научных достижений и вера в прогресс, ориентация на инновацию, обособление человека от связанности сакральным началом — все это способствовало развитию самодовлеющего принципа субъективности. Подробно его рассматривал еще Гегель, указывая на заложенное в нем как превосходство модерна (как мира прогресса), так и его кризис (как мира отчужденного духа):

⁹ См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 7—8.

¹⁰ Хабермас Ю. Постмодернизм и культура. С. 42.

¹¹ Цит. по: Можейко М. А. Постмодернизм. С. 592.

¹² См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. ; СПб., 1998.

¹³ Мареев С. Н., Мареева Е. В., Арсланов В. Г. Философия XX века (историки и итоги) : учеб. пособие. М., 2001. С. 445.

¹⁴ Кнабе Г. С. Местоимения постмодерна. М., 2004. С. 11.

¹⁵ См.: Можейко М. А., Грацианов А. А., Абушенко В. Л. Модернизм // Всемирная энциклопедия : философия XX в. / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грацианов. М. ; Минск, 2002. С. 480.

«принцип нового мира есть вообще свобода субъективности»¹⁶. Его двойственная природа способствовала замыканию модернистской философии на субъекте и рассмотрению реальности сквозь призму коннотаций данного принципа: индивидуализм, понимаемый как любое качественное своеобразие; право на критику как условие очевидной обоснованности обязательных к принятию постулатов; автономия действия, при которой каждый добровольно принимает на себя ответственность за поступки; и, наконец, идеалистическая философия. При такой крайней индивидуализации и замкнутости на себя концептуальное переосмысление каких бы то ни было истин было маловероятно. Однако, как указывалось выше, принцип субъективности заключал в себе и кризисный момент «отчужденного духа», который неизбежно должен был разрешиться коренной философской трансформацией. Собственно, именно это и было взято постмодернизмом за одну из отправных точек критики.

Изменение научных интенций европейской культуры конца XIX — начала XX в. проявилось в колоссальном росте отчуждения и утрате традиционных идеалов. Философы модернизма, разорвав теологические узы, довлевшие над человечеством в средневековую эпоху, попытались найти в качествах человеческого разума фактор, в не меньшей, чем религия, степени способный к стимулированию общественной интеграции. Право и нравственность стали рассматриваться как основанные на человеческой воле, в то время как раньше считались богоустановленными, имеющими высшее авторитетное начало. Собственно, уже такое разрушение догматических основ подготовило почву для мышления постмодернистского типа. Моральные понятия эпохи модерна приспособляются к признанию субъективной свободы индивидов. «Они основываются, с одной стороны, на праве отдельного человека убедиться в правомочности того, что он должен сделать; с другой — на требовании, чтобы каждый мог преследовать цель своего особенного блага только в согласии с благом всех других»¹⁷. Но такая автономия субъективной воли, как и выводящая на нее абсолютизация Разума, не могла выступить в роли интегративного фактора. Считается, что это и привело философию модерна к «бесчувственности» и спровоцировало ее кризис. По словам В. В. Гусаченко, наиболее подходящей иллюстрацией модерна служит маска, символизирующая его автономию и самоидентичность¹⁸.

Другой оборотной стороной модернистской действительности, приблизившей ее к кризису, стала «избыточная технизация общества», стимулировавшая автономию субъектов, а следовательно, и процессы отчуждения.

Назрела необходимость поиска новых ориентиров. Но ведь известно, что все новое обретает почву под ногами в отрицании старого (по

---

¹⁶ Гегель Г. Философия права. М., 2007.

¹⁷ Гусаченко В. В. Указ. соч. С. 17.

¹⁸ См.: Там же. С. 43—44.

крайней мере, непосредственно ему предшествующего)¹⁹. Подобным образом и пришедший на смену модернизму постмодернистский тип философствования исходил из максимальной критики идеологии своего предшественника.

Начало постмодернистского периода, как уже было сказано, не имеет однозначной трактовки. Употребление термина прослеживаются еще от конца XIX в.²⁰, хотя считается, что впервые официально он был употреблен в книге Р. Ранвица «Кризис европейской культуры» (1917)²¹ и изначально имел сугубо литературоведческую природу, будучи связанным с расцветающим направлением авангарда, в частности в поэзии.

Первая подробная характеристика постмодерну была дана Ж.-Ф. Лиотаром в работе, датируемой 1979 г. Однако это не повод, чтобы различать постмодерн культурологический и философский. Не случайно сам Лиотар считал постмодерн манерой мышления, а не эпохой. Если воспринимать его именно так, то все присущие ему характерные черты вполне можно обнаружить в произведениях, вышедших задолго до 50-х гг. XX в.

Если для эпохи модерна более всего буквально подходит тезис Ницше о «смерти Бога», то постмодерн аналогичным образом провозглашает «смерть Субъекта»²². Это главное противопоставление определяет все последующие философские трансформации:

1. Метанаррация модернизма сменяется постмодернистской фрагментарностью, дающей о себе знать в образовательных процессах и множественности создаваемых идейных направлений. Постмодернизм только «отсоединяет», пропагандирует доверие к фрагментам и невозможность постижения целостной картины реальности. Образование по принципу «сети познания» приводит к снижению глубины теоретического уровня науки и ее переквалификации на службу интересам повседневности. На практике это означает перерабатывание, хотя и избирательно, значительных массивов разнообразной информации, которая должна подаваться на языке, доступном усредненному типу не обязательно высококвалифицированного читателя. Один из наиболее распространенных

¹⁹ Такая увлеченность критической оценкой без предложения концептуальных основ постижения окружающего мира и стала причиной рассмотрения отдельными учеными постмодернизма как кризисного преломления, агонии эпохи модерна, а также указаний на «маргинализм» в качестве основной его характеристики (см.: Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия : эволюция научного мифа. М., 1998. С. 21—22).

²⁰ В 70-х гг. XIX в. термин «постмодернистский» применялся для характеристики произведений искусства, следовавших за импрессионизмом (см.: Харт К. Постмодернизм. М., 2006. С. 81).

²¹ См.: Можейко М. А. Постмодернизм. С. 592.

²² Данный термин вошел в философский оборот после работ М. Фуко и был позднее конкретизирован Р. Бартом как «смерть автора» (см.: Можейко М. А. Смерть субъекта // Всемирная энциклопедия : философия XX в. С. 708).

способов подачи информации — общение, причем в большинстве своем обезличенное информационной сетью Интернет. Таким образом, фрагментарность информации оказывается завязанной на усиливающейся динамике коммуникационных процессов, что приближает язык к отнологизации.

2. Деканонизация всех сфер общественной жизни (культурной, научной, религиозной) позволяет свободно подвергать разрушительной критике любое, даже самое аргументированное, учение. Причем зачастую это похоже скорее на «спор ради спора», нежели на конструктивную критику. В этом процессе оказываются активно задействованы языковые средства выражения, в частности — ирония и игра слов.

3. От попыток проникновения в суть вещей постмодернизм приходит к поверхностности, беглому рассмотрению явлений. Отсутствие глубины напрямую связано с «отсутствием самости», с утверждением Ницше «фикции субъекта»²³. Провозглашаемая «смерть субъекта» неизбежно смещает акценты от единичного к всеобщему. Уходя от концентрации на внутреннем мире личности, философия должна обратиться к множественности — обезличенному и усредненному «нечто», что позволяет ему быть целостным за счет связанности воедино, в условиях тотально информационного общества. И таким связующим элементом становится язык.

4. Разочарование в возможностях науки приводит к отказу от познаваемости истины и возможности полного постижения окружающей реальности. В результате характерной чертой становится многополярность истины и отказ от попыток проникновения в суть окружающего мира. Подобно тому как можно «разбить» в пух и прах любую претендующую на достоверность концепцию, так же можно и обосновать практически всё, что угодно, — вопрос в умении грамотно пользоваться языковыми средствами, что вполне позволит представить в нужном ключе любую информацию.

5. С предыдущим пунктом тесно связана знаковость постмодернистской эпохи. Обозначаемое в ней заменяется знаками, символикой, образами. Сущность утрачена, от нее осталось только название. Человечество потребляет не продукты материального мира — оно потребляет брэнды, за громкими наименованиями которых реальное содержание не имеет принципиального значения. Естественно, что образность информации только укрепляет позиции языка в парадигме постмодерна.

6. Отказ от догматизации приводит постмодерн к универсализму: любая обобщающая теория, претендующая на последовательное логическое объяснение окружающего мира, немедленно обвиняется в ношении «маски догматизма»²⁴. По сути, для выживания теоретической

---

²³ *Ивбулис В. Я.* Модернизм и постмодернизм : идейно-эстетические поиски на Западе. М., 1988. С. 12.

²⁴ *Ильин И. П.* Указ. соч. С. 13.

конструкции в таких условиях она должна обладать гибкостью (в том числе информационной и языковой (понятийной)), чтобы не подавать себя в качестве абсолюта, но растворяться в сонме других подобных научных изысканий.

7. «Бесчувственность» модерна требует компенсации, но возвращение к прежним основам чувственного бытия невозможно из-за научно-технического прогресса. Глубокая духовность средневековой эпохи ушла в прошлое — поворота назад нет: растущая скорость и сложность социокультурных процессов в принципе враждебны духовности. Поэтому в рамках постмодернизма развивается так называемое понятие «телесности»²⁵ — единственно возможная в современных условиях альтернатива духовности. Она не есть антипод последней, но ее минимум: по словам В. В. Гусаченко, «телесность» сравнима с беззаботно-радостным состоянием ребенка, по вполне понятным и уважительным причинам не перегруженного моральными нормами и информацией²⁶. В качестве такого минимума «телесность» может служить минимальным фундаментом всей духовности человечества. Вопрос лишь в том, какова будет эта «духовность», ведь при минимальной информационной подкованности и моральной устойчивости «духовный стержень» может быть вылеплен под любым нужным углом.

8. Именно состоянием «телесности» во многом обусловлено распространение в постмодерне «квазинаучных мифологем и фольклорного сознания». Они заполняют вакуум, образовавшийся в результате отрицания возможностей и результатов знания. Во второй половине XX в. в духовной культуре развитых стран популярными становятся «синкретические духовные образования», сочетающие в себе элементы науки и мифологии: мифологемы об НЛО, полтергейсте, реинкарнации, спиритизме и др. Благодаря им механизированный информационный «муравейник» оживает и оглядывается в сторону эмпирики. Но порождать эмоции способны и ложные образы. А квазинаучные мифологемы творятся подобно фольклорному творчеству — в момент воспроизведения. Их импровизационная природа позволяет варьировать выдаваемую информацию и непосредственно связана с процессами интерпретации (нередко по принципу «испорченного телефона»). Поскольку импровизация в принципе «нейтральна по отношению к критериям истинности и моральности», она способна оживлять коммуникацию в условиях постмодернистского общества и прекрасно сочетается с «телесностью», предполагающей «максимум спонтанной динамики и минимум духовности»²⁷.

Несложно проследить влияние указанных процессов на право и динамику его понимания. Возрастающее число концепций понимания права, а также их ориентация на критику предшествующих идей как нельзя более согласуется с общей критичностью, многополярностью и

---

²⁵ См.: Гусаченко В. В. Указ. соч. С. 228—229.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ Там же. С. 230—231.

плюрализмом мира постмодерна. Упоминавшееся состояние «телесности» объясняет и кризис отечественного правосознания, утраты доверия к праву. Все больший отклик в теории права получают социологические идеи саморегулирующихся систем и отказ от обусловленности правовых норм государственной волей²⁸.

Трансформации, происходящие в условиях зарождающегося постмодерна, явно свидетельствуют о смещении акцента внимания философского мира в сторону языка. Начало XX в. для философии проходит под знаменем так называемого «лингвистического поворота». Можно утверждать, что вся философия XX в. ориентирована на язык, что позволяет выйти на первый план и получить широкое распространение в правоведении концепции философской герменевтики.

Основой тому послужило развитие как феноменологического подхода Э. Гуссерля, так и направления постструктурализма. В рамках последнего научного подхода проблематика языка и процессов интерпретации получает свое дальнейшее философское осмысление. Представляя собой сумму целого ряда подходов в гуманитарном познании, постструктурализм ориентирован на семиотическое истолкование реальности, опирающееся на концепцию знака как единства означающего и означаемого²⁹. Для нас он представляет интерес, поскольку, будучи наиболее влиятельным постмодернистским течением, он во многом предстает в качестве «лица» постмодернизма³⁰ и позволяет выявить следующие его характерные черты:

1) *антиэссенциализм*, суть которого в самом общем виде представит в отрицании естественной и универсальной сущности человека — «все то, чем мы являемся, сложилось в результате исторического развития и культурно обусловлено». На первый план выдвигается мысль об отсутствии не зависимых от сознания значений, к которым можно было бы обращаться для выяснения смысла высказывания. Слова и понятия, по антиэссенциалистской трактовке, живут собственной жизнью и не зависят от воли автора;

2) *антиреализм*, утверждающий, что все ненаблюдаемые нами теоретические объекты (такие, как гены или электроны) есть не более чем удобная фикция. Итогом подобных рассуждений становится отрицание соответствия между языком и реальностью: именно антиреализм приводит к идее о конструирующей роли языка. Объективное представление о реальности не может быть нами получено, так как мы

---

²⁸ Подробнее об этом см.: Поляков А. В. Теория права в глобализирующемся обществе : постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4; Ладёр К.-Х. Теория аутопойезиса как подход, позволяющий лучше понять право постмодерна (от иерархии норм к гетерархии правовых паттернов изменяющихся интеротношений) // Там же.

²⁹ См.: Усманова А. Р. Постструктурализм // Всемирная энциклопедия : философия XX в. С. 601.

³⁰ Об этом см. подробнее: Ильин И. П. Указ. соч.

никогда не выйдем за рамки языка, через понятийно-конструкционную призму которого мы эту реальность воспринимаем;

3) *антиосновность*, отрицающая существование в нашем мире каких-либо прочных постулатов, основ. В первую очередь, это касается претензий человека на абсолютное знание и проявляется в постмодернистской парадоксальности. Отрицая аподиктические основы бытия и философских концепций, постмодернисты опираются на сочинения философов модерна. Таким образом, сам факт отрицания выглядит как признание их же в качестве основ знания, от которых в настоящее время пытаются отойти. Одновременно антиосновность подтверждает упоминавшееся ранее отсутствие рамок, в том числе и для интерпретации. Это порождает вопрос о заданности пределов интерпретации, если таковые вообще существуют³¹.

Несмотря на всю бесконечную противоречивость философии постмодернизма, выдвигаемые ею идеи подтверждают все тот же неоспоримый факт: язык становится центром философских дискуссий XX в.

Ключевые термины философского дискурса постмодернистской эпохи — «пастиш», «нарратив», «деконструкция» — непосредственно связаны с языковой проблематикой. В XX в. все уже кажется написанным, созданным, изображенным — человеческое сознание не находит места для творчества. Поэтому единственным ожидаемым средством выражения становится «пастиш» — уже не ирония, но «самопародия», объясняемая Р. Пойриером неуверенностью в авторитете каких-либо литературных стилей и переключающаяся на осмеяние самого «усилия установить правильность посредством акта письма»³². Таким образом, ирония становится неопределенной — ведь нельзя иронизировать над канонами без признания их таковыми, а последнее больше всего претит постмодернизму. Пастиш как специфический метод организации текста стремится к «чистому свету отсутствия»³³ без каких-либо предметных ограничений.

Понятие «нарратива» приводит постмодернизм к утверждению повествовательного характера самого существования человека и провозглашения жизни каждого как последовательно создаваемого нарратива. Согласно с общим настроением эпохи чертой является повествование «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность»³⁴. Таким образом, повествование пишется без целеполагания и сводится все к тому же постмодернистскому символизму.

Что касается «деконструкции», впервые введенной в терминологический аппарат Ж. Деррида, она является одним из наиболее ярко

³¹ Подробнее об этом см.: *Харт К.* Указ. соч., а также работы У. Эко в области языкознания и семиотики.

³² *Можейко М. А.* Пастиш // *Всемирная энциклопедия : философия XX в.* С. 555.

³³ *Ивбулис В. Я.* Указ. соч. С. 12.

³⁴ Цит. по: *Можейко М. А.* Нарратив // *Всемирная энциклопедия : философия XX в.* С. 491.

характеризующих лингвистическую парадигму постмодерна терминов и сводится к негации абсолютно любого текста. Данный прием берет начало в отрицании смысла бытия, а следовательно, и смысла любого текста, который может быть деконструирован путем указания на сплошные переносы его значений, их нетождественность самим себе. В результате это дополняет философскую идею герменевтического круга, так как указывает на бесконечность интерпретации одного текста посредством другого, второго посредством третьего и т.д.

В условиях довлеющей в философствовании лингвистической парадигмы как нельзя более актуальным становится применение герменевтического метода к познанию окружающей действительности в целом, ибо постулируется, что действительность эта по своей сути языковая. Таким образом, вслед за признанием онтологического статуса языка герменевтика, будучи ранее методологией, также поднимается до онтологического уровня. В совокупности с общими культурологическими тенденциями эпохи большую роль в этом сыграли работы ряда философов, занимавшихся проблемами герменевтики.

Подобно В. Г. Кузнецову³⁵, мы склоняемся к утверждению, что первый импульс к выдвиганию герменевтики на философский уровень был дан немецким ученым В. Дильтеем. Обособив гуманитарные науки как «науки о духе», он заговорил о поиске их общей методологии в противовес естественно-научному знанию. Подводя их под общий психологический знаменатель исследования, Дильтей пришел впоследствии к герменевтическому методу как единственному полноценному методу исследования.

Значение философии Дильтея состоит в выдвигании им нескольких идей, имевших концептуальное значение для дальнейшего развития герменевтической мысли.

Так, Дильтей четко определил, что всем гуманитарным наукам и соответственно праву свойственны интерпретационные методы исследования, в связи с чем понимание и объяснение должны считаться общим методом данных наук.

Известное пристрастие к историческим наукам привело его к рассмотрению категорий самой жизни как объекта понимания. По Дильтею, жизнь в принципе иррациональна, поэтому в предмете интерпретации гуманитарных наук всегда будет присутствовать «человеческий остаток». Закономерно, что главную роль в понимании этого остатка должна сыграть психология. В этом состоит определенный недостаток учения Дильтея, так как, несмотря на отход от психологического метода, он не смог преодолеть его полностью. Достоинство же заключается в расширении объекта интерпретации, поскольку теперь им становятся не только исторические памятники, как считалось ранее, но и

---

³⁵ См.: Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методологии до философского направления // Герменевтика в России : сб. науч. трудов. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 35.

любые жизненные проявления. В данном ракурсе любые проявления права — будь то поступки людей и ситуации, имеющие правовое значение, могут и должны подвергаться интерпретации.

Дильтей также развивает выраженную еще Ф. Шлейермахером³⁶ идею о соответствии условий восприятия для автора и интерпретатора как необходимой предпосылке понимания. Так, на вопрос о возможности понимания Дильтей отвечает, что оно возможно в форме герменевтического анализа физических процессов, поскольку между объектом понимания и понимающим существует общность. При этом важно, что общность у него относится не к способу обмена информацией между людьми, а к условиям, в которых он осуществлялся. Таким образом, акцентируется внимание на «внеязыковом тексте общественной коммуникации»³⁷.

Расширяя объекты интерпретации, Дильтей тем самым расширяет и понятие «текста»: для него вся история понятна, поскольку вся она — текст. При этом понимание текста аналогично пониманию другого субъекта, только здесь речь будет идти о понимании письменно зафиксированных проявлений жизни.

Несмотря на некоторую противоречивость идей Дильтея, ряд которых впоследствии был им отвергнут, указанные выше моменты неоспоримо свидетельствуют в пользу слов Г.-Г. Гадамера о поднятии Дильтеем герменевтики до «органа наук о духе»³⁸.

Следующей ступенью в развитии философской герменевтики по праву можно считать идеи М. Хайдеггера, поставившего в центр герменевтического анализа язык и провозгласившего, что именно язык, а не человек является субъектом речи.

Из такой посылки следует прямой выход на бытие, сущностным, даже конструирующим, свойством которого выступает язык. Понимание возможно только в языке, но язык и есть само бытие. Таким образом, именно у Хайдеггера герменевтика впервые выходит на онтологический уровень.

Концепция Хайдеггера включает в себе два момента³⁹ — герменевтику фактичности и деконструкцию. В первом случае существование проясняет себя само, обнаруживая, активно проявляя себя в фактичности. Отсюда онтологическое измерение приобретает сама категория «смысл». Выявляющийся как результат понимания он обуславливает характеристику всего существования как герменевтического, поскольку процессы понимания и истолкования, как известно, неотделимы друг от друга.

³⁶ См.: Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.

³⁷ Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методологии до философского направления. С. 62.

³⁸ См.: Гадамер Г.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики. М., 1988.

³⁹ См.: Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методологии до философского направления. С. 38.

Интересно, что хайдеггеровская деконструкция вовсе не несет в себе той разрушительной силы, которая закрепилась за ней в учении Деррида. Ее задачей является отнюдь не дискредитация смысла, а его обнаружение. Причем целью ставится обнаружение первоначальных смыслов слов, которые «замутнены» многочисленными переводами.

Онтологизация языковой проблемы выводит Хайдеггера на концепцию «герменевтической феноменологии». Тем не менее при всех его очевидных заслугах звание основателя философской герменевтики прочно утвердилось за другим исследователем — Г.-Г. Гадамером. Он подвергает жесткой критике знаменитый тезис Ф. Шлейермахера о необходимости вживания в мир автора, говоря, что для достижения понимания это совершенно необязательно. Более того, сама идея «вживания» абсурдна, поскольку никогда не сможет быть реализованной до конца. Поэтому, если связывать с ней достижение полного понимания, очевидно, оно так никогда и не будет достигнуто. Гадамеру ближе идеи Гегеля о диалектике истории и современности, отталкиваясь от которых, он обосновывает не «вживание», а «представление в себе» мира автора на основе имеющихся о нем знаний. Данный тезис выглядит гораздо более реалистичным, нежели сходное положение Шлейермахера.

Развивая заданный Хайдеггером онтологический поворот герменевтики к языку, Гадамер более четко и подробно разрабатывает категории «предпонимания», «предрассудка», «горизонта понимания», включая в их ряд «традицию» как важное связующее звено между историей и современностью.

Рассматривая в разных контекстах (как у Хайдеггера, так и Шлейермахера) модус языковости, Гадамер задается не возникавшим ранее, но вполне закономерным вопросом: если все заключено в языке и все есть язык, как он может сохранить какие-либо объективные и субъективные предпосылки понимания? Рассуждая о том, что язык суть весь мир, окружающий человека, что без него невозможно ни сознание, ни мышление, ни чувства, ни жизнь в принципе, он заключает, что язык есть единственно возможный способ бытия человека. Из такого отношения к языку очевидно прослеживается намек на онтологизацию понимания.

Поставив понимание в один ряд с говорением как неотъемлемым свойством языка, Гадамер вывел понимание из модуса познания в модус бытия. А поскольку категория понимания является центральной для герменевтики, то такой поворот переориентирует ее на принципиально другие задачи: выдвигается проблема выяснения онтологического статуса понимания как момента жизни человека. В связи с этим, если до Гадамера философский уровень герменевтики, несмотря на вклад Хайдеггера, стоял под сомнением, при таком подходе герменевтика приобретает неоспоримую философскую значимость⁴⁰.

---

⁴⁰ См.: Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 74.

Философская герменевтика является одним из наиболее красочных проявлений философских тенденций постмодернистской эпохи. Оставаясь в основе своей искусством истолкования текста и провозглашая целью достижение понимания, она как нельзя более приближена к интенциям правовой науки — стремлениям достичь полного и глубокого понимания юридического текста. Взгляд на окружающую действительность как на текст позволяет спроецировать данную мысль на право в целом и рассматривать сущность последнего, отталкиваясь от его языковой природы и используя приемлемые герменевтические каноны интерпретации. Акцент Гадамера на «разговоре» как условии понимания позволил ввести в теоретико-правовые исследования принцип диалога, что, несомненно, расширило и обогатило правовую науку.

Что касается упреков герменевтического подхода к пониманию права в некоторой абстрактности, размытости содержания, безусловно, они имеют определенное основание. Но, как можно заметить из особенностей постмодерна, это лишь дань общим тенденциям эпохи, характеризующейся отсутствием конкретики и отказом от поисков аподиктических оснований объектов исследования. В связи с этим современные подходы к пониманию права отнюдь не свидетельствуют о кризисе правовой науки, а лишь отражают общие тенденции поступательного развития современных философских идей. А потому отказ от их использования в процессе познания сущности права нанес бы несомненный урон отечественной теоретико-правовой науке.

Воронежский государственный университет

*Малиновская Н. В., преподаватель
английского языка кафедры теории и
истории государства и права*

E-mail: ilbas@mail.ru

Тел.: 8(4732) 208-276

Voronezh State University

*Malinovskaya N. V., Lecturer of the
Theory and History of the Government
Department*

E-mail: ilbas@mail.ru

Tel.: 8(4732) 208-276